

В. Э. Молодяков

«Если историческую память и обиды превращать в инструмент политики, это не будет соответствовать их (России и Японии) интересам».

*Министр иностранных дел РФ
Сергей Лавров, 17 января 2006 г.*

Прошлое – национальное достояние. Но что с ним делать?

Историческая память, по определению философа А. М. Пятигорского, – это «направление сознания человека на его прошлое». Она может быть как позитивной, так и негативной, развиваться естественным путем изнутри мыслящей личности или направляться и регулироваться внешними факторами. Историческая память может оказывать значительное воздействие как на отдельные индивидуумы, так и на различные социальные и этнические группы, вплоть до нации.

Значение исторической памяти для Японии и японцев традиционно велико. Не забираясь в глубь эпох, напомним лишь, что именно апеллирование к исторической памяти – пусть в немалой степени реконструированной или даже смоделированной – сыграло важную роль в формировании японской национальной идеи в рамках «школы национальных наук» и «школы Мито» в последней четверти XVIII – первой половине XIX вв., в подготовке и осуществлении консервативной революции Мэйдзи исин (1868 г.) и последовавших за ней преобразований, в выработке национальной идеологии того периода, когда Япония постепенно превращалась из экзотического цветка в современную державу, сначала регионального, затем мирового значения. На протяжении всего периода после второй мировой войны политическая, общественная и идеологическая борьба в Японии, культурные и духовные искания во многом были завязаны именно на исторической памяти. А как обстоит с этим дело сегодня, в XXI веке? Какова историческая память современных японцев?

Вопрос этот ставился не раз. Попыток ответа на него тоже было немало. Одни авторы – имя им легион, но преимущественно японофилы – восторгались силой и глубиной исторической памяти японцев, трепетно относящихся к своим национальным традициям, событиям и памятникам

далекого прошлого. Действительно, в отношении сохранения прошлого, в самом широком смысле этого слова, многим стоило бы у них поучиться, но консервация материальных артефактов и поддержание духовных традиций живыми – отнюдь не одно и то же. Другие – преимущественно японофобы, коих тоже немало, – напротив, объявляли историческую память японцев короткой и избирательной, чтобы прямо не сказать лицемерной, в основном апеллируя к событиям второй мировой войны и предшествовавшего ей десятилетия. Доля правды есть и в этих утверждениях, но их авторы склонны смешивать идеологию и политику государства и его отдельных институтов с исторической памятью индивидуумов, групп или нации в целом.

В целом историческую память современных японцев характеризуют следующие признаки. Во-первых, это – несомненный и искренний, хотя зачастую неглубокий, интерес к собственному прошлому в масштабах как страны и нации, так и локального общества или семьи, что предполагает отношение к прошлому как к важному национальному достоянию, даже как к национальной ценности. Во-вторых, – это обращенность преимущественно к материальным памятникам, ориентация на «физическое» сохранение прошлого, что особенно видно на примере японской историографии, академической, равно как и любительской, отличающейся хорошим знанием источников, но небогатой обобщениями и тем более концепциями. В-третьих, несомненная избирательность исторической памяти в отношении событий XX в. (на примере других эпох это не столь заметно) в основном диктуется воздействием внешних факторов и вызовов, что, по понятным причинам, гораздо больше заметно на государственном, а не на частном уровне. В-четвертых, историческая память японцев на негосударственном и неинституциональном уровне не травмирована воздействием гражданских войн или кровавых революций, как во Франции, США или России. Травматические моменты исторической памяти связаны для японцев преимущественно с их внешней экспансией, в которой была задействована лишь малая часть населения страны и которая осуществлялась под жестким контролем государства.

Перечисленные признаки нельзя считать исключительно японскими. Повышенное внимание к собственному прошлому присуще большей части народов, причем как древних и гордящихся этой древностью (евреи, китайцы), так и относительно молодых, а потому изучающих свою историю особенно пристально и детально (американцы, австралийцы). Человеческая история, хотя бы на протяжении XX в., знала немало попыток искусственного «вытравления» исторической памяти в национальном масштабе (достаточно сослаться на примеры СССР и КНР), которые в итоге окончились неудачей, хотя и нанесли немалый урон национальному самосознанию, не говоря уже о репутации этих стран. Консервация исторических артефактов – от черепков до замков – осу-

ществляется не только в локальном или национальном, но в мировом масштабе, став одним из главных направлений деятельности ЮНЕСКО, в работе которой Япония, как известно, в последние годы принимает особенно деятельное участие¹. Пренебрежение охраной памятников истории и культуры принято считать признаком нецивилизованности, а их сознательное уничтожение – варварством, заслуживающим всеобщего осуждения. Что касается осмысления собственного прошлого, то оно зависит как от национальных интеллектуальных и культурных традиций, так и от воздействий извне. Японская историческая литература, как специальная, так и популярная, издавна имеет преимущественно описательный характер и бедна оригинальными идеями, что отчасти искупается вниманием к работам иностранных специалистов по истории Японии, многие из которых не только пропагандируются, но и материально поддерживаются различными государственными и негосударственными организациями Страны Восходящего Солнца.

Избирательность исторической памяти тоже присуща всем народам со сколько-нибудь длительной историей. У каждого есть «светлое прошлое», которым можно и нужно гордиться, и «темное прошлое», которого следует стыдиться. Однако именно здесь особенно сильно влияние внешних вызовов, и случай Японии только подтверждает общее правило. Здесь доминирует фактор «победа–поражение». В истории Британской и Французской колониальных империй не меньше позорных – по крайней мере, с точки зрения сегодняшней «политкорректности» – страниц, чем в истории Японской колониальной империи. Но об этом «не принято говорить вслух», потому что Япония лишилась колоний в результате поражения во второй мировой войне. Бывшая в числе победителей Англия и вовремя оказавшаяся на их стороне Франция в послевоенный период тоже лишились своих колониальных владений, но сделали это как бы добровольно. История их колониальной политики остается очень приглаженной, хотя в ближайшие десятилетия и даже годы в ее изучении и истолковании можно ожидать существенных изменений с учетом последних внутривосточных тенденций в обеих странах (мультикультурализм, исламизация и т. д.). В то же время и в самой Японии, и за ее пределами (особенно на Тайване) наблюдается все более явный отход от прежнего однозначного осуждения «японского колониализма», которое постепенно заменяется объективным изучением «колониационной политики» или «политики развития», опять-таки с опорой на обширную историко-документальную базу².

¹ Молодякова Э.В. Япония и ЮНЕСКО: сотрудничество во имя «всемирного наследия». – Япония, открытая миру. М., 2007, Глва одиннадцатая.

² Содержательное исследование: Ко Бунъю. Нихон-но сёкуминти-но дзидзицу: Тайван, Тёсэн, Мансю (Правда о японских колониях: Тайвань, Корея, Маньчжурия). Токио, 2003, и другие книги этого автора.

Травматизм исторической памяти японцев также связан почти исключительно с воздействием внешних факторов, и это сближает рассматриваемый нами феномен с исторической памятью послевоенной Германии, в которой безоговорочное осуждение экспансии Третьего Рейха против других стран и народов заметно перевешивает деяния национал-социалистического режима против собственного народа, за исключением «еврейского вопроса», имевшего как внутривосточный, так и внешнеполитический аспекты. Авторы преимущественно японофобской ориентации давно и настойчиво проводят аналогию между нацистской Германией и «милитаристской» Японией, подразумевая под последней режим, сложившийся в 1931–1932 гг. в результате начала активной экспансии в Маньчжурии и краха системы партийных кабинетов. Следует отметить, что эта аналогия затрагивает не только события прошлого сами по себе, но и их современное восприятие в обеих странах, как на государственном, так и на частном уровне³. В то же время японская правящая элита, несмотря на всю подчеркнутую «политкорректность», категорически отвергает подобные аналогии, соглашаясь признать за своей страной «военные преступления», но не «геноцид», что является куда более тяжким обвинением со всеми вытекающими из этого последствиями. Подобные заявления автор этих строк слышал не раз, причем от весьма влиятельных людей.

Большинство споров, вызванных событиями прошлого и исторической памятью о них, в современной Японии связано именно с событиями XX в., в которых национальное сознание пытается отыскать «свет» и признает наличие «тени». Далее мы рассмотрим эти явления более подробно. Оговоримся лишь, что не будем обращаться к японской историографии как к науке, как уже делали не раз⁴, но лишь как к одному из факторов, воздействующих на национальное сознание и историческую память.

Светлое прошлое: русско-японская война

Как и многие другие народы, японцы издревле высоко ставили воинские доблести, поэтому военные сюжеты занимали немаловажное место в их исторической памяти. Так продолжалось до поражения во второй мировой войне, после которой победители предложили побежденным навеки забыть о «бранной славе». Полностью искоренить эту память было невозможно, поэтому она сохранилась в относительно

³ Показательный пример: *Buruma Ian. Wages of Guilt: Memories of War in Germany and Japan.* N. Y., 1994.

⁴ Молодяков В. Э.: 1) Между гордостью и стыдом (восприятие национальной истории в послевоенной Японии). – Япония: собрание очерков «вслед за кистью» (дзуйхицу). М., 2000 (с подробной библиографией); 2) Синто и японская мысль. – Синто. Путь японских богов. СПб., 2002, т. 2 (раздел «Синто и национальная история») и др.

безобидной, с точки зрения современной «политкорректности», форме самурайской романтики, воспринимаемой в нынешней Японии как «свое кровное», но никак не связанное с современностью.

Значимым исключением остается русско-японская война 1904–1905 гг. – единственная война, которой Япония может гордиться и сегодня. Абсолютное большинство японцев до сих пор уверены, что эта война, во-первых, была вынужденной обороной от экспансии Российской империи на Дальнем Востоке, во-вторых, была блистательно выиграна Японией из-за материального и, главное, духовного превосходства японской армии и флота. Такой трактовке уже более ста лет: она – современница войны. Прибавим сюда то, что русско-японская война отличалась «цивилизованностью», т. е. соблюдением обычаев войны, и протекала на территории Маньчжурии и Кореи, а не самих воюющих стран, не затронула напрямую их гражданское население, а потому не вызвала взаимного озлобления и ненависти.

Столетие начала и окончания войны 1904–1905 гг. было отмечено в Японии многочисленными и разнообразными мероприятиями. В подавляющем большинстве они не имели агрессивного, милитаристского характера, а напротив, были сосредоточены на почитании памяти павших и подчеркивании важности дружбы с Россией (не забывая, конечно, про «северные территории»). Это не так странно и неожиданно, как может показаться на первый взгляд. Подлинный «золотой век» российско-японских отношений приходится именно на первое послевоенное десятилетие, от Портсмутского мирного договора 1905 г. до русской революции 1917 г. Тогда политические элиты обеих стран осознали, что дружить и сотрудничать гораздо выгоднее, чем воевать, тем более воевать в интересах «третьего смеющегося», каковым в то время выступали Великобритания и США. Взаимное уважение к достойному противнику и отсутствие в двусторонних отношениях неразрешимых проблем существенно помогли послевоенному примирению, а затем и сотрудничеству. Кроме того, необходимо отметить, что Портсмутский мир явился результатом компромисса, а не одностороннего диктата, каковым был Версальский договор 1919 г., а потому не содержал в себе зародыша нового неизбежного конфликта.

Тем не менее, Япония начала боевые действия против России, с которой была связана рядом договоров и соглашений, внезапной атакой на ее флот еще до официального объявления войны. Американцы до сих пор не могут забыть японцам аналогичного нападения на Пёрл-Харбор 7 декабря 1941 г., а японцы русским – вступления СССР в войну против них 9 августа 1945 г., при действующем пакте о нейтралитете. Вторую мировую войну Япония проиграла, и с этим все ясно. Ответственности за совершенно аналогичное начало русско-японской войны они не чувствуют и извиняться за него не собираются, равно как

и за участие в «союзной» интервенции на Дальнем Востоке России в 1918–1922 гг., но это совершенно особая и сама по себе сложная тема.

Вернемся к русско-японской войне. Вызванная недавним юбилеем вспышка массового интереса к ней обусловлена, на наш взгляд, еще и тем, что она полностью отошла в область прошлого, лишившись политической или социальной актуальности. Живых свидетелей больше нет, память о погибших сохраняется, что вообще характерно для японцев, но ныне здравствующие их уже не помнят. Россия более не подчеркивает наличие «счетов с Японией», о которых говорил Сталин в сентябре 1945 г. Особо постыдных деяний японская армия не совершала – по крайней мере, никто, включая противную сторону, ее в этом не обвинял, так что оправдываться не за что. Ну а ссылки на последовавший за войной «золотой век» – заметим, вполне мотивированные – смягчают неизбежный милитаристский «душок».

Разговор о войне, разумеется, не может уйти от обсуждения ее причин. И здесь на массовом, популярном уровне снова тиражируются прежние объяснения, которые сформулировал, например, проректор университета Такусёку Кусахара Кацухидэ в докладе «Нитобэ Инадзо и Россия», представленном на симпозиуме по русско-японским отношениям в Москве осенью 2004 г.: «В феврале 1904 г. Япония вступила в битву за свое существование и объявила войну России “ради мира и порядка на Востоке и безопасности в Корее”. Для Японии эта война была актом сопротивления империалистической экспансии царской России в южном направлении»⁵.

Эта наивно-оправдательная трактовка встретила решительную критику со стороны российских ученых и во время симпозиума, и в печати. Русско-японская война – типичный пример столкновения экспансионистских интересов двух держав, межимпериалистического конфликта, в котором только профессиональный пропагандист может однозначно указать правых и виноватых. Важно другое: подобные оправдания связаны не только и не столько с русско-японской войной, сколько со всей политикой Японии в Азии с конца XIX в. и до начала войны на Тихом океане. Япония как лидер Азии в борьбе против «белого империализма», конечно, не может появиться в современной официальной идеологии и пропаганде, как это было до войны. Но в исторической памяти немалого числа японцев заложено то, что их страна помогала Сунь Ятсену, Сукарно и Субхас Чандра Босу и что Ба Мо и Хосе Лаурель были не просто «японскими марионетками», но действительно боролись за независимость Индии и Индонезии, Бирмы и Филиппин от колониального владычества.

Официальное централизованное «празднование» начала русско-японской войны и тем более «победы над Россией» вызвало бы отри-

⁵ Прошлое и будущее российско-японских отношений: по следам Кацура Таро, Гото Симпэй, Нитобэ Инадзо. Материалы симпозиума. М., 2005, с. 27.

цательный резонанс, причем, возможно, не только в нашей стране. Поэтому основную инициативу взяли на себя местные органы власти – в рамках локальной истории, очень популярной в Японии, что свидетельствует об укорененности исторической памяти, учебные заведения, исследовательские институты и разного рода общественные организации. Столетие войны совпало со 150-летием Симодского трактата и установления дипломатических отношений между Российской и Японской империями в 1855 г., так что и его можно было отметить, так сказать, в формате дружбы и сотрудничества. Календарь мероприятий, посвященных двум юбилеям, по сути, оказался единым⁶. Немалую роль в этом сыграли средства массовой информации, как центральные, так и местные. На прилавках магазинов даже появилось памятное пиво «Цусима» с портретом адмирала Того, посвященное, как гласила надпись на банках, русско-японской дружбе.

Новая вспышка интереса к «светлому прошлому» русско-японской войны ожидалась в 2008 г. Ведущая телекомпания страны NHK избрала основой главного проекта года многотомный исторический роман популярного писателя Сиба Рётаро «Тучи над холмом» (вариант перевода «Облака над холмами») (1968–1972). Ставший бестселлером уже во время публикации, роман считается классикой современной японской прозы. Один из главных сюжетов этого многоаспектного повествования – история любви японского морского офицера Хиросэ Такэо и Ариадны Ковалевской, дочери русского контр-адмирала, – уже давно привлек внимание японских историков и писателей; из отечественных же литераторов об этом писал, кажется, только В. Г. Гузанов («Оборванная нить Ариадны»).

Как сообщил пресс-релиз пресс-конференции авторов фильма, прошедшей 25 января 2008 г. в Комитете по культуре Санкт-Петербурга, работа над сценарием заняла четыре года, съемки, проводившиеся в том числе на территории России, и монтаж – три года. О серьезности проекта говорит то, что его режиссером-консультантом с русской стороны стал А. Н. Митта, а консультантом – доктор политических наук А. Н. Панов, бывший Чрезвычайный и Полномочный посол РФ в Японии⁷. Выход фильма на экраны будет сопровождаться информационно-рекламной кампанией в СМИ, а японские редакторы и издатели, возможно, проявят больше внимания не только к сюжетам, связанным с войной, но и к русской тематике в целом. Что же касается возможного влияния фильма на двусторонние отношения и имидж России в Японии, то придется подождать его выхода на экран.

⁶ Календарь мероприятий, посвященных 150-летию установления дипломатических отношений между Японией и Россией. – Куланов А., Молодяков В. Россия и Япония: имиджевые войны. М., 2007, с. 430–437 (материал Информационного отдела посольства Японии в РФ). Из 67 перечисленных в нем мероприятий 16 непосредственно связаны с русско-японской войной.

⁷ http://www.gov.spb.ru/gov/admin/otrasl/c_culture/news

Темное прошлое: война в Китае и на Тихом океане

Послевоенный Токийский процесс «главных японских военных преступников», на котором перед Международным военным трибуналом для Дальнего Востока (МВТДВ) предстали военные и политические лидеры поверженной страны, должен был вынести «вердикт истории» в отношении их деяний. Главными организаторами процесса были США и Британская империя (представленная не только метрополией, но и доминионами), поэтому основным обвинением было развязывание и ведение войны на Тихом океане против этих стран, которая затронула в основном их колониальные владения и зависимые территории. Советскому Союзу отводилась весьма скромная роль. Над ним тяготело обвинение в нарушении пакта о нейтралитете в августе 1945 г., поэтому его представители, в свою очередь, постарались внести в приговор как можно больше обвинительного материала о «японской агрессии против СССР». Режим Чан Кайши был, разумеется, представлен на процессе и максимально постарался представить себя пострадавшей стороной, но Китай находился в состоянии гражданской войны Гоминьдана с коммунистами, которых поддерживал Сталин, поэтому китайские сюжеты на процессе не были в числе главных, за исключением эффектного допроса «последнего императора» Айсин Горо Пу И, оказавшегося в советском плену и позднее переданного властям КНР⁸.

Время расставило все на свои места. Американские историки убедительно доказали, что президент Рузвельт и его ближайшее окружение сознательно провоцировали военный конфликт на Тихом океане, преследуя собственные цели (из них главная – получить повод для вступления в войну на стороне Великобритании против стран «оси»), что они заранее знали о готовящемся нападении на Пёрл-Харбор и не предупредили об этом местное командование, а значит, они, как минимум, несут такую же ответственность за развязывание войны, как и японские лидеры. Примечательно, что в Японии работы этих авторов, среди которых были корифеи американской историографии Г. Э. Барнес и Ч. К. Тэнзилл, не получили ни распространения, ни поддержки. Британские, а также канадские и австралийские авторы редко касаются этой темы, за исключением интересных, хотя и не поддающихся необходимой проверке утверждений, что начало войны на Тихом океане было спровоцировано Черчиллем для гарантированного привлечения США на свою сторону против Германии⁹. Советские авторы не устава-

⁸ Подробнее: Молодяков В. Э.: 1) Подсудимые и победители. (Заметки и размышления историка о Токийском процессе). Токио, 1996; 2) Россия и Япония: меч на весах. М., 2006, гл. 10.

⁹ Perpetual War for Perpetual Peace. A Critical Examination of the Foreign Policy of Franklin Delano Roosevelt and Its Aftermath. Ed. Harry E. Barnes. Newport Beach CA, 1993 (впервые: 1953). Tansill Charles C. Back Door to War. The Roosevelt Foreign Policy, 1933–1941. Chicago,

ли разоблачать «японскую агрессию» по трафарету Токийского процесса. Только в постперестроечную эпоху стало возможным открыто показать и доказать, прежде всего на основании документов из советских же архивов, что события на оз. Хасан в 1938 г. никем сознательно не планировались, что эскалация этого конфликта стала результатом приказа Сталина и что весной-летом 1945 г. советское руководство считало пакт о нейтралитете с Японией действующим даже после заявления о том, что оно не будет продлевать его с апреля 1946 г.¹⁰

Со временем на первый план вышла японская экспансия в Китае, особенно проблема «нанкинской резни», бытование которой в японской историографии и общественном сознании мы подробно рассмотрели ранее¹¹. Чтобы не повторять сказанное, отметим лишь следующие обстоятельства. Несмотря на то, что «нанкинская резня» фигурировала на Токийском процессе 1946–1948 гг. (это обвинение стоило жизни генералу Мацуи Иванэ, в котором многие историки видят не более чем «стрелочника» и жертву обстоятельств) и на отдельном Нанкинском процессе 1947 г., подлинную актуальность для Японии эта тема приобрела только в начале 70-х годов, в связи с установлением дипломатических отношений между Токио и Пекином.

Застрельщиками выступили газета «Асахи» – главный орган леволиберального истеблишмента, не скрывавшая и не скрывающая своих прокитайских симпатий, и ее журналист Хонда Кацунити¹². Что за этим стояло? На протяжении первых 15–20 послевоенных лет в сознании «образованного сословия» Японии доминировали социалистическая и коммунистическая, марксистская идеология, преимущественно, но не обязательно советского образца. Военные интервенции в Венгрии в 1956 г. и в Чехословакии в 1968 г. оттолкнули от Советского Союза большое число сочувствующих, часть которых переориентировалась на Пекин, часть на европейскую социал-демократию и «еврокоммуни-

тов». Большинство бывших оппозиционеров благополучно интегрировалось в истеблишмент, а коммунисты все более маргинализировались. Если общественные слои и политические силы, рупором которых стала газета «Асахи» и другие СМИ того же концерна, принимали далеко не все в идеологии и политике маоистского Китая, то они были едины в осуждении довоенного прошлого Японии, особенно ее колониальной политики и континентальной экспансии.

Исторической памяти японцев было нелегко справиться с этим внешним вызовом, наложившимся на память о недавней войне, которая на сей раз напрямую затронула все население страны. Не говоря о двух атомных бомбах (которые отчасти смягчили имидж Японии как страны-агрессора, наделив ее имиджем страны-жертвы), население испытало на себе разрушительные американские бомбардировки, блокаду, продовольственный кризис, а отдельные группы – плен и депортацию с континента. Послевоенная пропаганда победителей внушала японцам, что во всем виноваты они сами или, по крайней мере, их правители, но никак не внешние силы. Процессы «военных преступников» были приняты японцами относительно спокойно, скорее как закономерная кара по принципу «горе побежденным», нежели как торжество права и справедливости. Сами японцы никого не судили: здесь не было ничего подобного «денацификации» Германии – а разного рода «чистки» и «люстрации» проводились оккупационными властями или по их прямому указанию.

В Японии существует огромное количество литературы о войне в Азии и на Тихом океане, причем оно увеличивается с каждым годом. Многие участники событий написали мемуары; многие из тех, кто не успел это сделать, оставили дневники и письма, тоже нашедшие издателей и читателей. В них немало «суровой правды о войне», много оправданий, мало прямой апологии завоеваний и почти нет разоблачений. Разоблачения стали делом левых и леволиберальных писателей и журналистов, далеко не все из которых видели войну своими глазами. Они были больше знакомы с реалиями японской колониальной политики в Корее и Маньчжурии, осуждение которой заняло значительное место в их произведениях. Добавим, что именно эта литература активно переводилась на иностранные языки, а в СССР издавались книги почти исключительно такого содержания: например, «Кухня дьявола» Моримур Сэйити или «Условия человеческого существования» Гомикава Дзюмпэй. Вышедшие большими тиражами и получившие массовую аудиторию, они до сих пор воспринимаются широким читателем в России как надежный исторический источник – особенно при отсутствии или малой доступности более объективной и правдивой информации – и периодически служат основой для антияпонских выступлений, вроде фильма Елены Масюк «Конвейер смерти» (2004 г.). Судить о

1952; Toland John. Infamy. Pearl Harbor and Its Aftermath. N.Y., 1982, 1992; Stinnet Robert B. Day of Deceit. The Truth about FDR and Pearl Harbor. N.Y., 2000; Rusbridger James, Nave Eric. Betrayal at Pearl Harbor. How Churchill Lured Roosevelt into World War II. N.Y., 1992 и др. Особо отметим книги Б. Н. Славинского: 1) СССР и Япония – на пути к войне: дипломатическая история, 1937–1945 гг. М., 1999, гл. 1, 5–7; Пакт о нейтралитете между СССР и Японией: дипломатическая история, 1941–1945 гг. М., 1995, гл. 9–11.

¹⁰ Особо отметим книги Б. Н. Славинского: 1) СССР и Япония – на пути к войне: дипломатическая история, 1937–1945 гг. М., 1999, гл. 1, 5–7; Пакт о нейтралитете между СССР и Японией: дипломатическая история, 1941–1945 гг. М., 1995, гл. 9–11.

¹¹ Молодяков В. Э. «Мазохисты» против «патриотов» (дискуссии о «нанкинской резне» и послевоенное японское общество). – Япония: экономика, политика, общество на заре XXI в. М., 2003 (с подробной библиографией). См. также: Nata Ikuhiko. The Nanking Atrocities: Facts and Fable. – Japan Echo. Vol. 25, № 3 (August 1998).

¹² Хонда Кацунити: 1) Тюгоку-но таби (Путешествие в Китай). Токио, 1972 (серия статей из «Асахи»); 2) Тюгоку-но Нихонгун (Японская армия в Китае). Токио, 1972 и его другие многочисленные работы позднейших лет.

Японии довоенных и военных лет по этим книгам все равно, что изучать советский период лишь по «Архипелагу ГУЛАГ» или коммунистическую идеологию по Геббельсу и Розенбергу.

С одной стороны, японцам как бы запрещено гордиться войной на Тихом океане, причем не только генералам, но и рядовым. С другой стороны, почитание памяти павших – вековая национальная традиция, которую невозможно уничтожить. Историческая память общества балансирует между этими крайностями. Почитание павших, отказаться от которого японцы не могут, объявляется не имеющим ничего общего с оправданием и тем более прославлением милитаризма. Символом этого стала так называемая «проблема храма Ясукуни», токийского синтоистского святилища, которое посвящено памяти всех павших за Великую Японию и в котором, среди прочих, почитаются души «военных преступников», казненных по приговору МВТДВ или умерших в заключении. Российские ученые-японисты неоднократно писали об этой проблеме, но российские СМИ почему-то не прислушиваются к ним, а некритически воспроизводят суждения и оценки иностранных, в основном американских, информационных агентств, видимо, взятые из Интернета. Коротко суть вопроса заключается в том, что визиты японских премьер-министров и других официальных лиц в храм Ясукуни 15 августа (этот день считается в Стране Восходящего Солнца днем окончания войны на Тихом океане), точнее уже сама перспектива такого визита, становятся предметом ожесточенной антияпонской кампании в КНР и Республике Корея, официальных протестов со стороны внешнеполитических ведомств этих стран и сдержанно-осуждающих комментариев прессы «Старшего Брата». Не вдаваясь в детали, приведем лишь фразу бывшего премьера Накасонэ Ясукиро, который первым придал посещениям Ясукуни демонстративно-официальный характер: «Я пришел сюда не к Тодзио (премьер-министр Японии в 1941–1944 гг. и главный “военный преступник”. – В. М.), а к своему брату, погибшему на войне»¹³.

Храм Ясукуни и существующий при нем военный музей Юсюкан, что можно примерно перевести как «Обитель духов героев», – символ мучительной раздвоенности исторической памяти японцев в отношении своего «темного прошлого». Святилище пользуется большой популярностью у простого народа, включая молодежь. Вместе с тем школьному учителю не придет в голову официально привести сюда своих учеников, не избежав неприятностей со стороны начальства а, возможно, и родителей. В книжной лавке Юсюкана продается множество «апологетической» литературы о войне в Китае и на Тихом океане,

¹³ Молодякова Э. В.: 1) Внутри- и внешнеполитические проблемы святилища Ясукуни. – Япония эпохи Коидзуми: оценки и перспективы. М., 2007; 2) Многоаспектность проблемы святилища Ясукуни – Япония 2007. Ежегодник. М., 2007.

зачастую выпущенной крупными издательствами, но она не переводится на иностранные языки. Зато здесь нет разоблачительной литературы, в изобилии представленной на японском и английском языках, включая произведения японских авторов, в крупных книжных магазинах. Одним словом, действует двойной стандарт, дабы все приличия были сохранены.

Если «разоблачители» группируются вокруг «Асахи», то «апологеты» – вокруг «Санкэй», также входящей в пятерку крупнейших общенациональных газет, но имеющей во много раз меньший тираж. В последние годы в японских официальных и полуофициальных изданиях, предназначенных для иностранного читателя, наметилась примечательная тенденция: «Асахи» именуют «прогрессивной», «Майнити» – «центристской», «Иомиури» – «консервативной», а «Санкэй» – «правой» (сугубо деловая «Нихон кэйдзай» по этой шкале не оценивается). Причем в отношении «Санкэй» многозначительно говорится, что она отражает взгляды не более чем 1/10 части японцев. Иными словами, большинство истеблишмента почитает за лучшее отмежеваться от позиции «Санкэй», по крайней мере, перед лицом иностранцев.

Фактор внешнего вызова очень важен для правильного понимания травмированного сегмента исторической памяти японцев. Консервативные круги, в том числе в правительстве и парламенте, долго пребывали в убеждении, что, заключив после войны мирные договоры, принеся необходимые извинения и выплатив репарации и разного рода компенсации, они навсегда закрыли эту проблему. Против этих мер, относящихся к 50-м и 60-м годам, не возражал практически никто, тем более что в нормализации отношений со странами Азии решающую роль сыграл Киси Нобусукэ, премьер-министр в 1957–1960 гг., который в годы войны был членом кабинета Тодзио, а после войны находился под арестом как «военный преступник», но был освобожден без суда¹⁴. Новая волна напоминаний об ответственности Японии за ее прошлые грехи началась в конце 80-х годов, высоко поднялась в 90-е годы и фактически не спадает по сей день. Не помогли даже «окончательные» извинения, особенно перед китайцами и корейцами, которые приносили премьер-министры Хосокава Мориhiro и Мураяма Томиити и даже сам император Акихито.

Символом новой антияпонской волны можно назвать книгу американской журналистки китайского происхождения Айрис Чен «Нанкинская резня», ставшую предметом мощной пиар-кампании в США и в англоязычном мире в целом. В Японии книга натолкнулась на жесткую

¹⁴ Wakamiya Yoshibumi. The Postwar Conservative View of Asia. How the Political Right Has Delayed Japan's Coming to Terms With its History of Aggression in Asia. Tokyo, 1998; В. П. Мещерин Возвращение в Азию: дипломатия Киси Нобусукэ. – Япония второй половины XX века: проблемы и судьбы. М., 2003.

и, надо признать, аргументированную критику со стороны не только «апологетов» или журналистов, но и серьезных историков¹⁵. Подобные выступления уже не раз совпадают с трениями в отношениях Японии с другими странами, особенно когда дело касается вопросов экономики или внешней торговли. Японская экономика все еще очень эффективна, а в сфере финансов или внешней торговли Страна Восходящего Солнца может позволить себе большую самостоятельность или упорство, нежели в сфере политики. Тут на помощь ее оппонентам и конкурентам приходит «Нанкинская резня», которую в США и в КНР все чаще многозначительно называют «забытым холокостом». Цинично, но ничего не поделаешь, – все средства хороши¹⁶.

Немало людей в Японии понимают это, но мало кто решается сказать об этом вслух, чтобы не спровоцировать очередную, еще более сильную волну антияпонских настроений и выступлений, которая может ударить и по внешней торговле. Однако национальное сознание японцев, как ни травмировано оно было последствиями поражения в войне, иногда «взбрыкивает», и правящим кругам приходится с этим считаться. Требовать они боятся, поэтому могут только просить, как это случилось совсем недавно, 18 января 2008 г. Приведем наиболее важную часть сообщения ИТАР-ТАСС, опустив изложение официальной китайской версии событий шестидесятилетней давности: «Правительство Японии обратилось к Китаю с беспрецедентной просьбой смягчить тон экспозиции в Мемориале памяти жертв резни в городе Нанкин 1937–1938 гг., в ходе которой, как утверждает Пекин, солдаты японской императорской армии убили около 300 тыс. безоружных людей. Такое пожелание было доведено до властей КНР в связи с реконструкцией и расширением этого комплекса, вновь открывшегося для посетителей в минувшем декабре. Посетивший мемориал в Нанкине генеральный консул Японии в Шанхае Юдзи Кумамару, в частности, от имени своего правительства заявил, что эта экспозиция провоцирует ненависть в отношениях между двумя народами. Он также выразил сомнение в том, что число жертв в результате событий в Нанкине действительно составило 300 тыс. человек. По мнению генерального консула, между историками существуют расхождения по этому поводу, и Пекин поэтому должен прислушиваться к мнению тех, кто не согласен с официальными китайскими оценками количества погибших...

¹⁵ *Chang Iris*. The Rape of Nanking: The Forgotten Holocaust of World War II. N.Y., 1997. Критика: Фудзикока Нобукацу, Хигасинакано Сюдо. «Дза рэйпу обу Нанкин»-но кэнкю. (Исследование «Нанкинской резни» <Айрис Чен>). Токио, 1999; Хигасинакано Сюдо. «Нанкин гякусацу»-но тэттэй кэнсё. (Тщательное рассмотрение «нанкинской резни»). Токио, 1998 и др.

¹⁶ *Rose Caroline*. «Patriotism Is Not Taboo»: Nationalism in China and Japan and Implication for Sino-Japanese Relations. – Japan Forum. Vol. 12, № 2 (2000); *Takashi Yoshida*. A Battle over History: the Nanjing Massacre in Japan. – *Joshua A. Fogel* (ed.) The Nanjing Massacre in History and Historiography. Berkeley CA, 2000.

В Японии власти официально высказывают сомнения в количестве погибших и сумме ущерба в результате нанкинских событий. В школьных учебниках истории здесь просто обтекаемо пишут, что в городе “было убито много людей”. Разногласия по этому вопросу – источник постоянной напряженности в отношениях между Токио и Пекином, который считает резню 1937–1938 гг. символом своих страданий в результате японской агрессии. Новая экспозиция в этом городе была открыта к 70-летию трагедии. Площадь Мемориала увеличена более чем 10 раз до 9 тыс. кв. м. Его экспозиция содержит теперь около 3,5 тыс. экспонатов, рассказывающих о зверствах японской императорской армии»¹⁷.

Несмотря на извинения, компенсации и соблюдение двойного стандарта, позиция Японии, не желающей безмолвно соглашаться со всеми обвинениями, которые ей продолжают предъявлять, вызывает непрекращающуюся критику. Не так давно бывший канцлер ФРГ Гельмут Шмидт, выступая в Токио, заявил: «У японского народа, к сожалению, в мире не слишком много настоящих друзей... Это связано с двойственным отношением японской общественности к признанию завоеваний, началу войны на Тихом океане и преступлениям прошлого»¹⁸. Японские СМИ постарались обойти молчанием это высказывание или, по крайней мере, не цитировать его. Однако, как отметил А. Е. Куланов, «их молчание никак не влияет на позицию американских и европейских журналистов, с удивлением отмечающих, что, спустя более чем 60 лет после окончания второй мировой войны, Япония является одной из немногих развитых стран мира, имеющих территориальные споры почти со всеми соседями, а также не желающей принять ту норму ответственности за события прошлого, которая удовлетворила бы страны Азии, Европы и, отчасти, Америки. Причем, если в отношениях со странами Азии такое поведение... вызывает прямое политическое обострение, то для многих других государств оно имеет исключительно имиджевое значение: и без того живучее представление о неискренности, хитрости и коварстве японцев получает все новую и новую подпитку»¹⁹.

По мнению японцев, им есть за что упрекать другие страны. Правда, не все: Россию и Северную Корею упрекать можно, а КНР и США нельзя. Даже за атомные бомбардировки, которые, дескать, спасли Японию от советской оккупации, как в 2007 г. выразился министр обороны Кюма Фумио. За это он, правда, в течение нескольких суток перестал быть министром, но сразу же переключился на организацию

¹⁷ Известия. 18.01.2008.

¹⁸ Newsweek. 26.10.2005.

¹⁹ Куланов А. Е. Между миром и собой: трансформация имиджа в эпоху глобализации. – Глобальные вызовы – японский ответ. М., 2008, глава вторая.

комитета поддержки Олимпийских игр в Сочи. Возможно, у японцев есть веские основания для упреков. Но тогда не стоит обижаться, когда упрекают их самих.

Бой с собственной тенью

В Японии историческая память народа не является фактором, который оказывает прямое влияние на государственную политику или должен учитываться в предвыборной борьбе. Обывателя – избирателя и налогоплательщика – гораздо больше волнуют махинации чиновников и политиков с пенсионной системой, мировой рост цен на нефть и продовольствие, сокращение государственной поддержки мелкого и среднего бизнеса, а также периодически подбрасываемые через СМИ «страшилки» про Северную Корею. На рубеже 90-х и 2000-х годов проблема преподавания национальной истории в школе на какое-то время стала политически и социально актуальной – в основном усилиями консерваторов, недовольных засильем леволиберальных и социалистических идей в образовании²⁰. Сейчас эти дискуссии заметно ослабели и, конечно, не идут ни в какое сравнение со спорами, разгоревшимися в России в 2007 г. вокруг «книги для учителя» «Отечественная история. 1946–2006», инспирированной администрацией президента РФ.

Но полностью сбрасывать со счетов фактор исторической памяти тоже нельзя – и отнюдь не только под давлением внешних вызовов, сколь бы резкими и дерзкими они ни были. Коль скоро от Японии неофициально, но настоятельно – устами людей вроде Г. Шмидта – продолжают требовать окончательного «расчета с прошлым», ее *opinione-maker*-ы просто обязаны ответить, причем не только своим соотечественникам, но и всему миру. Эту миссию взяла на себя газета «Йомиури», посвятив 60-летию окончания войны на Тихом океане. Одной из главных целей предпринятого газетой исследования стало окончательное установление ответственности за войну, причем на уровне персоналий. Иными словами, это была своего рода попытка заново повторить Токийский процесс.

Помимо журналистов, газета привлекла к работе историков, в основном центристской ориентации. Результатом их работы стала книга, опубликованная в 2006 г. в сокращенном варианте на страницах газеты по-японски и по-английски, а затем выпущенная в полном объеме от-

дельным изданием на двух языках²¹. Подготовкой и пиар-компанией проекта лично руководил президент «Йомиури» 80-летний Ватанабэ Цунэо, считающийся одним из наиболее авторитетных и влиятельных людей Японии. Таким образом, перед нами не просто пиар-акция, но и попытка моделирования исторического сознания и исторической памяти соотечественников, поскольку влияние газет на массовое сознание и общественную жизнь Японии остается весьма значительным. Одно-временный выпуск английского варианта показывает, что книга в не меньшей степени рассчитана на иностранного читателя. Судя по степени серьезности, она должна была убедить, если не японофобов в Китае и Корее (убедить их в чем-либо, кажется, вообще невозможно), то таких людей, как экс-канцлер Шмидт. Что же получилось «в сухом остатке»?

Скажем откровенно – книга разочаровывает. Появись она полвека назад, ее также следовало бы подвергнуть серьезной критике, в том числе на основании трудов американских историков, о которых говорилось выше. Итогом 14 месяцев работы комиссии стал подретушированный вариант вердикта Токийского трибунала с подкупающим своей новизной дополнением о том, что ответственность за войну несут не только генералы и министры, но также старшие офицеры, послы и начальники департаментов министерств. Премьер Тодзио объявлен главным виновником, император Сёва полностью оправдан. О международных факторах сказано вскользь, разумеется, больше всего – об ответственности СССР. В интервью, приуроченном к 65-й годовщине нападения на Пёрл-Харбор и к выходу отдельного издания книги, Ватанабэ дополнительно подверг резкой критике визиты официальных лиц в Ясукуни и объявил, что военный музей Юсюкан, расположенный на территории храма, фальсифицирует историю²².

Похоже, Ватанабэ просто повторяет «политкорректные» клише своей послевоенной молодости, когда он был коммунистом, но потом разочаровался в этой вере, и не считается ни с развитием исторической науки, ни с нынешним состоянием национального сознания и исторической памяти. Содержание выпущенной «Йомиури» книги говорит о невысоком профессионализме ее авторов как историков. В качестве пропагандистской акции она соответствовала курсу тогдашнего премьер-министра Абэ Синдзо (кстати, внука Киси Нобусукэ) на улучшение отношений с Китаем, испортившихся в последние годы пребывания у власти кабинета Коидзуми Дзюнъитиро, который, по мнению Ватанабэ, слишком односторонне ориентировался на Соединенные Штаты. С учетом стратегической и политической зависимости Токио от Вашингтона это звучит занятно, но «Большой Брат» все равно остался недоволен.

²⁰ Нисиро Кандзи, *Фудзиока Нобукацу*. Кокумин-но юдан. Рэкиси кёкасё га абунай! (Наша неосмотрительность. Учебники истории представляют опасность!). Токио, 1996; *Фудзиока Нобукацу*. Кингэндайси кёику-но кайкаку. Дзэндама-акудама сикан-о коэте. (Реформа преподавания новой и новейшей истории. Отказ от концепции «героев и злодеев»). Токио, 1996; *Rose Caroline*. The Textbook Issue: Domestic Sources of Japan's Foreign Policy. – Japan Forum. Vol. 11, № 2 (1999).

²¹ The Daily Yomiuri. 13–15.08.2006; From Marko Polo Bridge to Pearl Harbor – Who Was Responsible? Tokyo, 2006.

²² Misjudgments Led Japan into 1931–1945 Morass of War. – The Daily Yomiuri. 08.12.2006.

Декан факультета журналистики Калифорнийского университета в Беркли Орвил Шелл, считающийся экспертом по Китаю, сдержанно похвалив книгу, поставил в вину ее авторам то, что они недостаточно отразили в ней... правильно – «Нанкинскую резню»²³.

Подытожив сказанное, можно сделать вывод, что для одних японцев прошлое уже прошло, а для других нет и, похоже, никогда не пройдет. Это относится как к событиям национальной истории, так и разного рода «счетам» с окружающим миром. В этом смысле трудно не согласиться с замечанием министра иностранных дел России С. Б. Лаврова, вынесенным в эпиграф к данной работе, пусть даже оно было сделано по сугубо частному поводу. Бой с собственной тенью, которую леволиберальный и центристский истеблишмент Японии ведет уже 60 лет, не приносит никаких результатов и порой выглядит весьма комично, особенно на фоне периодических «оговорок» – случайных или намеренных – различных официальных лиц, сомневающих в китайской версии «нанкинской резни». Слава Богу, уголовного преследования за это в Японии нет.

А безмолвствующий народ, которому нет дела до «заморочек» своей и тем более чужой элиты, тем временем идет в Ясукуни. Потому что он, в отличие от большинства opinion-maker'ов, живет уже в XXI в.

²³ http://kg.akipress.org/_print.php?db=analit&id=1182

Японская звезда русского балета Ивата Морихито

В преддверии премьеры постановки, в которой Ивата исполняет главную партию, артист рассказал о своей судьбе, о балете и двух странах, с которыми навсегда связана его жизнь.

Биографическая справка. Солист Государственного академического Большого театра. Ивата родился в Иокогаме (Япония). Начальное хореографическое образование получил в школе своего отца «Ивата-балет», который в свою очередь учился у русских мастеров. В 1987 г. завоевал первую премию Всеяпонского конкурса артистов балета в Токио, 1990 г. – третью премию Международного конкурса артистов балета в Джексоне. В 1990–1991 гг. Ивата стажировался в Московском хореографическом училище (ныне Московская государственная академия хореографии) в классе Александра Бондаренко. В 1991 г. он стал солистом труппы «Русский балет» под руководством Вячеслава Гордеева, в 1992 г. получил гран-при и приз Барышникова («Лучшему танцовщику конкурса») Открытого конкурса артистов балета России «Арабеск» в Перми, в 1993 г. завоевал первую премию Международного конкурса артистов балета в Москве, участвовал в международном фестивале балета имени Дж. Баланчина – В. Чабукиани в Тбилиси, где получил гран-при и приз «Лучшему хореографу». В труппу Большого театра Ивата был принят в 1995 г.

– **Ивата-сан, когда я смотрю на японцев, по собственной воле оставшихся жить в России, мне кажется, что они герои. В Японии жить намного легче и комфортнее. Если есть стабильная заработная плата. Самое главное – иметь большой календарь, чтобы отметить, что вы будете делать в такой же четверг через два года. В России это невозможно. Но вы живете здесь уже 17 лет. Как вы адаптировались к жизни в нашей стране, как вы выдерживаете ее?**

– Мне не приходилось выдерживать – я приехал учиться в Московское хореографическое училище, потом была работа, были дела, и время пролетело незаметно. Я просто занимался балетом, познакомился с будущей женой, родились дети. Старшей дочке уже 12 лет, младшей – 9. Здесь мой дом, моя семья, моя работа. Конечно, в России очень часто встречаются проблемы, очень часто. Но они разрешимы. Если есть много хороших знакомых, можно добиться всего, решить любую проблему.